Современный любовный
Саша Ветрова
Аля Полякова
Тайный
наследник
кавказского магната

Аля Полякова
Саша Ветрова

Тайный наследник для кавказского магната

https://litres.ru/74660444
SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре года назад Рустем Алиев соблазнил меня, а когда я забеременела, сказал, что на таких как я не женятся, предложил деньги на аборт и уехал на Кавказ. Я рожала в одиночестве, но не сломалась. Выжила вопреки всему. И была бы счастлива больше никогда не видеть Алиева.

Но судьба сыграла со мной злую шутку — он пришел в клинику, где я работаю медсестрой. Оказывается, после ранения он больше не может иметь детей. И теперь он хочет, чтобы его наследником стал мой сын.

От автора: Альтернативный Кавказ!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 33
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Аля Полякова, Саша Ветрова Тайный наследник для кавказского магната

Глава 1

Ася

— Уфф, — влетаю в кабинет, который служит нам, младшему медицинскому персоналу, одновременно и раздевалкой и комнатой для приема пищи, на ходу стягивая пуховик. — На улице кошмар. Так метет, что автобус застрял за остановку до больницы. Пришлось пешком топать.

— Сегодня все опаздывают, — подтверждает Маша Игнатова, лаборант в нашей клинике, засовывая в рот овсяное печенье. — Даже летучку перенесли. Там кстати чайник горячий.

— Слава богу, — повесив пуховик на крючок, наклоняюсь, чтобы снять сапоги. — Иначе Борисович бы мне голову оторвал. Он мне еще после прошлого опоздания сказал, что я у него на карандаше.

— Ничего он тебе не сделает. Во-первых, ты мать-одиноч-

ка. А во-вторых, он к тебе неровно дышит. Уже и не знает, как еще привлечь внимание.

— Глупости!

— Ничего не глупости! Он таким взглядом тебя всякий раз провожает — знаешь, как пес провожает взглядом сочную косточку, которую мимо него проносят, — смеется Маша, видимо решив, что это удачное сравнение.

Я же, наконец, избавляюсь от верхней одежды, засовываю ноги в родные кроксы и, убедившись, что вода в чайнике еще не остыла, заливаю ей растворимый кофе.

Взгляд падает на старые настенные часы. Только восемь сорок, а я уже как выжатый лимон. Русланчик сегодня проснулся в ужасном настроении — капризничал, сам не желал одеваться, специально спрятал ключи, чтобы мы остались дома. Обычно я не сетую на судьбу, но в такие дни как сегодня приходится признать: с таким непростым характером, как у моего сына, мужская помощь в его воспитании была бы бесценна. Жаль только, что его отец, очень важная шишка Рустем Алиев, предпочел сделать вид, что нас не существует.

Удобно, конечно. Развлекаться с русской девчонкой, стать ее первым мужчиной, а потом сказать в лицо, что у нее нет принципов и на таких не женятся. И деньги на аборт дать, чтобы уже наверняка отвадить. Алиев в отношениях со мной выбил полное бинго.

Я отвлекаюсь от тяжелых мыслей, когда на наши с Машей

телефоны синхронно приходят сообщения.

— О, летучка через три минуты, — сообщает подруга. — Ты кофе допила?

Залпом проглатываю остатки бурой жижи, в которую превратился сухой кофе три в одном, убираю телефон в карман своей хирургички и вместе с Игнатовой иду на традиционную планерку по понедельникам.

Летучка в этот раз проходит в сжатом формате — это и понятно, с девяти начинается прием пациентов. Главврач Гордиенко быстро пробегается по графикам, сообщает, что терапевт Литвинцева заболела и ее смены возьмет на себя Грекова, а еще радует всех первой хорошей новостью за утро — январской премии быть.

В приподнятом настроении собираюсь в свою лабораторию. С девяти до одиннадцати я забираю кровь по направлениям от наших врачей, так что мне пора. Наверняка там под дверью уже очередь как в Большой за билетами на “Щелкунчика”.

— Иванова, задержитесь, — летит в спину голос Борисовича.

Точнее, Игоря Борисовича Власова, формально моего начальника. Он работает в клинике врачом-травматологом и в последнее время проявляет повышенный интерес к моей скромной персоне. Я, конечно, не верю в то, о чем болтает Маша о его романтических чувствах в мой адрес, но то, что я чувствую себя некомфортно рядом с ним — это уже факт.

— Да, Игорь Борисович? — оборачиваюсь, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Но Власов не спешит: дожидается, пока все сотрудники покинут переговорку, прикрывает дверь и только после этого смотрит на меня.

— Ася… — начинает он как-то напряженно отчего моя собственная тревожность возрастает до небес. Может, он хочет меня уволить? Может, ему все же надоели мои опоздания? Может быть?.. — У меня к вам два вопроса.

— Я слушаю.

— Сегодня после обеда ко мне на осмотр приедет один важный пациент, нужна будет помощь с анализами. Развернутый анализ крови, желательно максимально быстро.

— Конечно, — отвечаю я, ощущая невероятное облегчение. Как минимум меня не увольняют. — Можете на меня рассчитывать.

— Отлично, — Борисович кивает. — И еще… У меня есть два билета… В театр. Я подумал, что вам может быть это интересно.

— Два билета для меня? — переспрашиваю слегка растерянно.

— Ну, один для вас. И один для меня.

Ох. Вау. То есть, Маша права и он действительно приглашает меня на свидание? Мама дорогая… Я же вообще его в этом плане не воспринимаю. Ну то есть вообще. Он же Борисович. Немного нудный начальник, над которым мы порой

посмеиваемся, хотя и врач от бога — этого не отнять. И что мне теперь делать? Как выкручиваться? Не в театр же идти с ним, в самом деле…

— А на какое число билеты?

Он видимо не ожидал этого вопроса, потому что на мгновение на его лице появляется растерянное выражение. Может у него и билетов-то нет? И он просто прощупывал почву?

— На эту субботу, — произносит он.

— Какая жалость, — я демонстративно развожу руками. — Как раз эта суббота у меня уже занята. Ну знаете, сына пригласили на детский день рождения. Нельзя не пойти.

— Да, понимаю, — тянет Борисович, смутившись.

— Вы можете позвать Ольгу Сергеевну из бухгалтерии, — предлагаю я. — Я слышала, что она жаловалась, что ей совершенно нечем заняться на выходных.

— М, да, спасибо, Ася, — мямлит он без всякого энтузиазма.

— Ну, все, я побежала. Анализы сами себя не соберут, — плоско шучу я и вылетаю за дверь.

Уф. Теперь осталось мне придумать железные алиби на все ближайшие выходные, и дело в шляпе. Надеюсь, Борисович скоро поймет, что нам с ним не по пути.

Несколько часов я верчусь как белка в колесе. Поток пациентов не прекращается ни на минуту, очередь за дверью лаборатории не уменьшается. Даже приходится отодвинуть обед, чтобы принять всех желающих расстаться с собствен-

ной кровью. И вот когда я, наконец, усаживаюсь напротив Маши со своим контейнером, в котором гречка и жареная курочка, на телефон приходит сообщение от Борисовича о том, что он немедленно ждет меня в процедурной.

Черт! Торопливо запихнув в рот кусок курицы, расстроенно закрываю контейнер.

— Ты куда? — спрашивает подруга, потягивая чай из кружки. Ей везет, у нее день не через одно место — питается по графику.

— Возьму у “важной шишки”, которая собирается лечь под нож Власова, анализ на кровь и вернусь, — тарахчу я, набрасывая на хирургичку белый халат.

Процедурный кабинет располагается на этаж ниже, поэтому я игнорирую лифт и спускаюсь по лестнице. У двери кабинета делаю глубокий вдох, чтобы привести в норму дыхание, и с улыбкой вхожу.

— Добрый день, сейчас возьму у вас анализы, — начинаю привычный монолог, но столбенею, когда замечаю на кушетке мужчину. Темноволосого, хмурого и… без рубашки.

Я смотрю на него, хлопая глазами, чувствуя как с космической скоростью летит в пятки сердце. И он тоже смотрит, явно шокированный моим появлением.

— Ася Юрьевна, это Рустем Вагитович, — вообще не в тему звучит подобострастный голос Борисовича. — У него мало времени. Приступайте.

Глава 2

В процедурной царит та разновидность напряженной тишины, которую можно разрезать скальпелем, и то я не уверена, что у меня получилось бы с первого раза.

Я стою, вцепившись в ручку тележки с инструментами, будто это спасательный круг на «Титанике», а вокруг меня не знакомый и привычный до боли кабинет, а ледяной океан в котором я неминуемую утону. Передо мной на кушетке сидит мой личный айсберг. Рустем Алиев. Без рубашки. Как нарочно.

Последний раз мы виделись четыре года назад, когда он унизил меня и растоптал все хорошее, что между нами было. С каменным лицом дал деньги на аборт и ни разу не оглянувшись уехал из города.

За эти четыре года я представляла нашу встречу раз сто.

Видела его нищим, больным, лысеющим и с пивным животиком. В своих самых сладких фантазиях я была при этом в новенькой шубке и на каблуках, которые были бы выше его самодовольного эго.

Реальность, как всегда, оказалась прозаичнее любой фантазии.

Рустем сидит сверля меня хмурым и пренебрежительным взглядом исподлобья. Не сразу замечаю его перевязанный бок и желтеющие остатки от гематом на ребрах. Несмотря на

них выглядит он… черт возьми, даже лучше, чем раньше.

Время, гад, явно сработало на него, а не на меня. На мне сейчас старенькие кроксы, которые давно пора заменить, белый мятый халат, зеленая хирургичка, цвет которой мне совсем не идет, и выражение лица олуха царя небесного.

— Ася? — произносит Рустем и трясет головой, будто я ему померещилась.

Голос у него все тот же бархатный, пробирающий до мурашек и оседающий приятной тяжестью внизу живота. Ничуть не изменился. Видимо, тренировался, сволочь, на Кавказе, очаровывая местных овечек.

— Иванова Ася Юрьевна, — выдавливаю я, делая ударение на фамилии, которую он, ясное дело, давно забыл, да и зачем ему помнить об очередной девке, которую обрюхатил? — Сегодня я ваша медсестра.

Я двигаюсь, как механический робот из дешевого фантастического фильма, чтобы скрыть как трясутся руки.

Соберись, тряпка!— мысленно ору на себя. — *Алиев не должен видеть страх и нервозность. Тогда он может что-то заподозрить.* ***Он****просто пациент!*

Ага. Просто пациент и отец моего сына.

— Вы знакомы? — интересуется Борисович.

Он мельтешит где-то на периферии моего зрения, как назойливая муха, которую сейчас прихлопнут.

— Нет!

— Да.

Выпаливаем с Алиевым одновременно и смотрим друг на друга. Я — враждебно. Он — с мрачным любопытством.

— Нет? — выгибает Рустем темную бровь. — Мне показалось я вас где-то видел. У вас очень… Очень распространенное лицо, Ася Иванова.

О как!

*Распространенное лицо?*Теперь это так называется?

А четыре года назад мое лицо, видимо, казалось ему уникальным. До поры до времени, пока окончательно не надоело.

— Спасибо, — говорю я, натягивая перчатки с таким треском, будто хочу задушить в зародыше всех микробов в радиусе пяти метров. — Часто слышу. Руку, пожалуйста.

Он протягивает левую, правая у него забинтованная. Не знаю что с ним случилось и надеюсь мне хватит морально-волевых сил не задавать Борисовичу никаких вопросов.

Я жгутом перетягиваю мощный уцелевший бицепс Алиева с таким усердием, будто собираюсь не кровь взять, а конечность ампутировать. Ничего не могу поделать, хладнокровия мне явно не хватает.

— Сильно, — замечает он без выражения.

— Поработайте кулачком, — парирую, не моргнув глазом.

Спустя пару секунд я вонзаю иглу в вену. Слава богу, попадаю с первого раза. Маленькая победа.

Кровь идет темной струйкой в пробирку. Я меняю одну на другую, не глядя Алиеву в лицо. Смотрю только на его ру-

ку. На знакомую родинку чуть ниже локтя. На часы, которые стоят, наверное, как моя однокомнатная квартира, взятая в ипотеку.

Стараюсь абстрагироваться от воспоминаний, которые непрошеными гостями лезут ко мне в голову.

— Готово. Руку не нагружайте, синяка остаться не должно, — провожу стандартную инструкцию, забинтовывая сгиб локтя. Как ни стараюсь, пальцами все равно задеваю его кожу. Еще чуть-чуть и моя хваленая выдержка даст трещину. Пора уносить ноги. — Проверьте свои данные.

— Все верно.

— Я отнесу все в лабораторию. Игорь Борисович, вам еще что-то нужно? — разворачиваюсь к своему начальнику, спиной ощущая как Алиев буравит меня взглядом.

— Нет, Ась. Свободна. Так, Рустем Вагитович, завтра будут готовы анализы, можно планировать операцию, — суетится Власов, пока я толкаю свою тележку к выходу из процедурного. — Сложная у вас история, но мы постараемся все сделать в лучшем виде…

Дверь с мягким щелчком закрывается, поэтому я уже не слышу, что отвечает ему Алиев.

— Ась, ты что призрака увидела? — смеясь спрашивает Машка, когда я появляюсь на пороге лаборатории. — На тебе лица нет.

А мне совсем не до смеха. Передав ей пробирки с кровью Алиева, я без сил опускаясь на кушетку и только сейчас за-

мечаю, как у меня трясутся ноги.

— Хуже. Чудовище во плоти.

Глава 3

Время до конца рабочего дня я провожу в состоянии близком к панике. Вздрагиваю, когда звонит телефон, напрягаюсь, когда слышу в коридоре шаги, подпрыгиваю, когда кто-то заходит в кабинет. Виной всему, конечно, встреча с Алиевым.

Он давно уехал, расставшись с двадцатью миллилитрами своей драгоценной крови, и Власов больше меня не звал, но мне все равно не по себе. Я сегодня как будто приоткрыла дверь в далекое прошлое, которая четыре года была намертво заколочена досками и гвоздями.

И все же… Что там у Рустема за история? О чем говорил Борисович? Что за операцию они собираются делать? Сто процентов это связано с перевязанным боком и рубцом, которого раньше не было. Я знаю, потому что когда-то провела долгие часы в его постели, изучая потрясающе гибкое мускулистое тело. Такие раны, если меня не обманули мои глаза, бывают от огнестрельного ранения, да? Неужели Алиева подстрелили?

Можно было, конечно, спросить обо всем напрямую у Власова. Но, во-первых, это не мое дело, во-вторых, это мне не интересно и, в-третьих, чем меньше я знаю о Рустеме Алиеве, тем лучше. Этот человек — часть прошлого, которому нет места в моей теперешней жизни. Точка.

Вечером, закончив смену, торопливо собираюсь, чтобы сбежать до того, как закончит дела Маша. Она очень странно на меня весь день поглядывала, а у меня нет сил ни оправдаться, ни придумывать что-то, ни тем более говорить ей правду. Я вообще считаю, что этой идиотской реакцией на случайное столкновение с Алиевым предаю себя — этот тип не стоит ни одной моей нервной клетки.

Перед выходом на улицу, утепляюсь. Шапка, шарф, перчатки — все на месте. Погода отвратительная, все так же метет, а до остановки идти почти пять минут. Холодно даже думать об этом.

Попрощавшись с охранником, сбегаю по ступенькам клиники. Перехожу дорогу и иду, думая о том, как сейчас проеду шесть остановок на автобусе, заберу сына из сада и вместе мы зайдём в кофейню, чтобы купить два теплых круассана и дома слопать их с чаем. Но прежде чем я успеваю достигнуть остановки, у тротуара в десяти метрах передо мной тормозит большой чёрный джип. И хотя я давно отвыкла от подобных эффектных появлений, сейчас не сомневаюсь — это Алиев пожаловал. Воровские замашки кавказской диаспоры, к которой он принадлежит, я хорошо знаю — моя лучшая подруга Алия замужем за одним из их главарей.

Не успеваю даже испугаться как следует или обдумать свои дальнейшие действия, как Рустем выскакивает из машины и преграждает мне путь.

— Здравствуй, Ася, — тянет он, нависая надо мной.

В нем почти два метра ростом. Я тоже не маленькая, но ему едва достаю до плеча. И это бесит. Я сразу оказываюсь по отношению к Алиеву в невыгодном положении.

— Виделись, — бурчу я, нахмурившись.

— Что за тон? — он выразительно выгибает темную бровь.

— А ты чего ждал?

Понимаю, он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Да и я в прошлом никогда не смела ему дерзить. Просто с тех пор много воды утекло — Алиев меня давно не интересует, никакого трепета в его отношении я больше не испытываю, а на хамство отвечать умею. К черту правила приличия — он мне никто и делать вид, что я рада встрече, бессмысленно.

Я не рада.

— Я ждал тихой беседы старых друзей.

— Ты мне не друг! — отрезаю я, ежась от очередного пронизывающего порыва ветра.

— Как скажешь, — соглашается Рустем на удивление быстро. — Но мне, например, было приятно увидеть тебя сегодня. Приятно и удивительно. Не ожидал, что ты станешь врачом.

— Я не врач, а медсестра, — поправляю я и тут же добавляю едко: — а учитывая твое мнение обо мне четыре года назад, ты, наверное, ожидал увидеть меня танцующей приватные танцы в ночном клубе. Прости, что разочаровала.

Взгляд Алиева темнеет, а линия челюсти становится жест-

че. Ему явно не нравятся ни тон, которым я с ним разговариваю, ни слова, что говорю. А может быть просто мой укол попал в цель — во время нашего последнего разговора четыре года назад он вылил на меня ушат словесных помоев. Совершенно незаслуженных.

— Поужинай со мной сегодня, — спокойно произносит он, несмотря на искры недовольства в глазах. — Я в Москве ненадолго. Хотелось бы возобновить старые контакты.

— Извини, я занята, — отрезаю, оправившись от шока.

Это ж надо, как просто у него все получается! Неужели он всерьез рассчитывает, что я как ни в чем ни бывало пойду с ним куда-то после того, что было? Плюс, сама формулировка “старый контакт” звучит оскорбительно!

— У тебя кто-то есть? — спрашивает Рустем, сощурив глаза. Видимо, для него это единственная причина, по которой я могу отказаться от ужина с его дражайшей персоной.

— Да, у меня кто-то есть! — огрызаюсь я, пораженная его наглостью. *Этот кто-то — твой сын, о котором тебе знать совсем не обязательно*.

— Давай тогда хотя бы подвезу, — не сдается он. — Холодно.

— Мне не холодно, — бросаю я, пока мои зубы отбивают чечетку.

На самом деле сегодня *очень*холодно. И я бы с удовольствием прокатилась в теплой комфортной машине, если бы за рулем был кто угодно кроме Рустема Алиева.

— Брось, Ася, — тянет насмешливо. — Мне не сложно, а ты замёрзла.

— Послушай, *Рустем*, — я специально выделяю интонацией его имя. Раз уж он фамильярничает со мной, отвечу ему тем же, чтобы он не питал никаких иллюзий на мой счет. — Мне не интересно возобновлять *старые контакты*. Извини. И удачи.

Так как Алиев все еще преграждает мне прямой путь по тротуару, я торопливо обхожу его по проезжей части.

Пока мои ноги несут меня прочь от застывшего мужчины в направлении остановки, я почти жду, что он остановит меня. Окликнет. Схватит за руку. Или вновь горой встанет передо мной. Но ничего не происходит.

С бешено колотящимся сердцем я заскакиваю в очень удачно подошедший автобус. И молюсь про себя, чтобы на этом все и закончилось.

Глава 4

Русланчика из сада я забираю, когда в группе уже почти никого нет. Порой я задаюсь логичным вопросом, где работают все те мамочки, которые умудряются забирать ребенка до шести. Наверное, у них есть помощь в виде бабушек и дедушек, которой у меня нет и никогда не было. И супруг, с которым можно разделить заботы. А может быть, отдав ребенка в сад, они не бегут сломя голову на работу, как это делаю я, а используют свободное время с пользой для себя. Роскошь, которую я себе позволить не могу — нужно зарабатывать, чтобы мы с сыном могли выживать.

Нет, я не жалуюсь. Меня устраивает моя жизнь. Но порой очень хочется банально выспаться, сходить в кино с подружкой или просто полежать на диване хоть час без необходимости что-то стирать, готовить или убирать. Те, кто идеализирует материнство, просто никогда не оставались один на один с ребенком. Еще и таким характерным как мой. Вспыльчивость и упрямство у него явно от того же человека, который наградил его темно-карими глазами и непокорной иссиня-черной шевелюрой.

Будто в компенсацию за утренние капризы, вечером Руслан ведет себя образцово. А может быть просто чувствует, что после встречи с его отцом я на грани и дает мне столь необходимую передышку.

Пока мы добираемся домой, я стараюсь шутить и улыбаться, но напряжение никуда не уходит. Почему-то мне страшно, хотя для этого нет никаких объективных причин. Рустем не знает, что я сохранила нашего ребенка. И никогда об этом не узнает. Но дурное предчувствие не позволяет мне расслабиться.

Дома мы с Русланом ужинаем приготовленными на скорую руку макаронами с сыром, потом, как я и планировала, пьем чай с круассанами. А когда сын усаживается перед телевизором смотреть положенную ему перед сном серию мультика, я беру в руки телефон и набираю Алию.

Она — моя лучшая подруга еще со школьных времен. Нас не смогли разлучить ни ее фанатичные родители, ни ее замужество на одном из боссов кавказской диаспоры. Я бы сказала *мафии*, но Алия меня за это не простит — она без ума от своего мужа и мир видит через розовые очки. Да и как не видеть? Они с Маратом Усмановым принадлежат к одному миру, который к ним и их союзу благосклонен, а вот я-чужачка, столкнувшись с этим же самым миром, огребла по полной. До сих пор кошмары мучают.

— Ася, привет! — радостно щебечет Алия в трубку, не дождавшись моего приветствия. — Не поверишь, я как раз хотела тебе позвонить.

— Ну, сегодня я первая. Как дела?

— Хорошо все, Ась. А у тебя?

— Ты знала, что Рустем в городе? — выпаливаю я, не в со-

стоянии болтать о мелочах, когда меня сегодня едва не разорвало от взрыва бомбы.

На несколько секунд в трубке становится тихо. Потом слышны торопливые шаги.

— Извини. Я ушла в комнату, чтобы Марат нас не слышал, — шепчет Алия. — Я знала, да. Он утром неожиданно заявился к нам, а потом они с Маратом ушли в кабинет. Как я понимаю, это незапланированный визит. Ни Марат, ни даже Булат не знали, что он объявится в Москве после стольких лет. Постой… А ты откуда знаешь?

Я тяжело вздыхаю, глядя на темную макушку сына, которая виднеется из-за спинки дивана.

— Случайно столкнулась с ним в клинике.

— Это, наверное, связано с тем ранением, — произносит подруга.

— Каким ранением?

— Подробностей я не знаю. Марат мне такое не рассказывает, ты же знаешь. Но в прошлом году на Рустема и его людей напали в Махачкале. Несколько человек погибло. У Рустема было огнестрельное ранение. Он выкарабкался, но почки задело. И вроде бы еще какие-то осложнения были.

— А мне почему не рассказывала? — спрашиваю взвинчено. Отчего-то мысль о том, что Рустема могли убить, заставляет меня разнервничаться с новой силой.

— Ась, ну ты же сама говорила, что не хочешь ничего о нем знать… И… Я не знаю. Не хотела лишний раз напоми-

нать тебе, — в голосе Алии звучит неподдельное сожаление. К тому же, в целом она права. Я не хотела ничего о нем знать, потому что боялась, что начни подруга рассказывать, я узнаю что-то, что окончательно разобьет мне сердце. Например то, что Рустем женился на одной из кавказских девственниц, которую ему присмотрела мамаша, или что у него родился сын. Такой же темноволосый и своевольный мальчик, как у меня.

— У меня перед глазами каждый день напоминание… — усмехаюсь невесело, прерывая возникшую паузу. — Русланчик просто как две капли воды…

— Знаю. И боюсь, скрывать это и дальше будет все сложнее… — бормочет Алия.

Я навсегда буду благодарна подруге за то, что она сохранила мой секрет ото всех, даже от своего мужа, которому бесконечно предана. Во многом благодаря ей и ее моральной и финансовой помощи о том, что мой ребенок — это сын Рустема, не знает ни одна живая душа. И я планирую сделать все от меня зависящее, чтобы все так и осталось.

— Это уже мои заботы. Как-то же скрывали до этого? Ты, главное, придерживайся нашей легенды. Вот и все.

— Ты же знаешь, что можешь быть уверена, что я не проболтаюсь.

— Знаю. И очень это ценю.

— Ладно, — цокает Алия. — Так и что? Вы с ним просто увиделись и все? В клинике?

— Мне пришлось взять у него кровь на анализ, — при-

знаюсь я. — А потом он приглашал меня на ужин.

— Ого! А ты?

— А что я? Я его, конечно, послала куда подальше.

Алия тихо смеется. Немного напряженно, но искренне.

— Вот даже не сомневалась в тебе, Ась.

— А что мне оставалось делать? Вообще не понимаю, зачем ему со мной ужинать.

— Ну… Насколько я знаю, он все еще не женат. Может быть, он понял свою ошибку…

— Или он просто решил, что снова сможет со мной развлечься. По старой памяти, — выталкиваю с горечью. — Без обязательств. Я же русская, со мной можно…

— Ась…

— Да не надо меня утешать, Алия, — перебиваю подругу. — Я же не дура. Все прекрасно понимаю. Мы из разных миров.

— А что если…

— Без если! — отрезаю я. — Ничего не изменилось. Надеюсь, это была наша последняя встреча, и я больше никогда его не увижу.

Глава 5

— Не так! Я хочу целый! Новый! Не так! — вопит Русланчик, отодвигая от себя тарелку с кашей и *нарезанным* бананом, и спрыгивает на пол, грозно топнув ножкой.

Господи, ну почему именно сегодня мой трехлетка решил показать свой характер и отстоять целостность банана? Нового у меня как назло нет, поэтому я всеми силами пытаюсь уговорить сына съесть тот, что есть, и не устраивать трагедию. Безуспешно, естественно. Руслан вошел в роль обиженного и обделенного и намерен упиваться своей истерикой и моей беспомощностью до конца.

Сегодня вторник. И обычно я очень люблю вторники, потому что моя смена в клинике начинается чуть позже обычно. Я высыпаюсь, принимаю душ и готовлю Руслану завтрак. Обычно это блинчики или сырники, но вчера, после встречи с Алиевым, я была в таком стрессе, что забыла заглянуть по пути домой в супермаркет.

— Сынок, может подойдет целое яблочко, а бананчик оставим таким?

— Неть! Склей его! — топает ногой мой принципиальный мальчишка.

Руслан в синей пижаме с пестрыми динозаврами, кажется, вот-вот расплачется… У него настоящая трагедия вселенского масштаба — порезанный кружочками банан. И глупой

матери эту трагедию не понять.

А у меня голова кругом.

Это должно было быть уютное домашнее утро, а вместо этого я пытаюсь устранить последствия своей оплошности. Обычно я спрашиваю какой банан хочет сын, но не в этот раз. В этот раз все мои мысли занимал его гребанный папаша!

Вернулся весь такой красивый и харизматичный. Подвезти хотел, улыбался и шутил шутки, словно не он четыре года назад выкинул меня из своей жизни как старую тряпку в мусорное ведро.

Чертов Рустем Алиев!

Мой сын — его маленькая копия, и к сожалению не только внешне, характер ему тоже остался от отца вместе с горячей кавказской кровью. Воспитывать Руслана одной очень непросто. Ему явно нужна мужская фигура перед глазами, а еще лучше — полная семья. Счастливые мама и папа. Знаю, это утопия. Алиеву мы не нужны. Ему не нужен сын. А мне не нужен Рустем. Но мечтать о партнере, который примет моего сына, мне никто не может запретить!

— Сделаю, что смогу. Мне бы сейчас не помешала волшебная палочка и заклинание “Репаро”, да сынок?

— Да.

Руслан поддакивает неотрывно наблюдая, как я сгребаю липкие, уже покрывающиеся кашей кружочки банан обратно. Пытаюсь соорудить из этой бесформенной массы подобие чего-то цельного. Получается нечто жалкое, похожее на

разбитый желтый пазл. Все это время я подпрыгиваю на одной ноге, пытаясь дотянуть вторую колготку, и краем глаза ловлю стрелку на часах.

Сердце падает куда-то вниз.

Как размеренное утро успело превратиться в хаос? Через сорок минут нужно отвезти Руслана в сад и бежать на работу.

— Вот, видишь? Почти как новый! — показываю я сыну. — Мама склеила!

Сын замолкает на секунду. Карие глаза, точь-в-точь его отцовские, изучают «творение». В них мелькает сомнение.

— Банан тошнит кашей. Я не хочу такой банан.

— Ладно… Тогда яблочко добавить?

— Да, — чуть подумав выдает серьезно сын. — Целое.

Целое так целое.

Пока Руслан ест кашу в прикуску с яблоком. Я, запихнув в рот остатки отвергнутого банан, наконец натягиваю колготки.

Когда тарелка с кашей почти чиста, а на моем лице более-менее подобие макияжа, я обнимаю сына, пахнущего молоком, яблоком и детской сладостью. Невероятный запах, самый лучший, ни с чем другим не сравнимый!

— Молодец, теперь пойдем выбирать штанишки. Зеленые или синие? — спрашиваю, заглядывая в серьезные карие глаза Руслана.

Как же он похож на отца… Сегодня я об этом думаю чаще чем обычно.

— Красные, — решительно отвечает он.

— Красные в стирке, сынок… — когда я вижу, как у сына начинают дрожать губы спешно добавляю. — Красные так красные.

Руслан доверчиво прижимается ко мне. Мир восстановлен. Ценой моих последних нервных клеток и кривой стрелки на глазу.

На работу я приезжаю, выжатая как лимон. Время только половина первого дня, а по мне словно самосвал проехал.

Пока я переодеваюсь в нашей каморке, то и дело кошусь в окно, будто за ним может внезапно материализоваться черный джип. Разумом понимаю, что Рустему вряд ли придет в голову дежурить под больницей, как несчастному влюбленному подростку. Если он объявится — то по делу. И целью его визита буду не я, а Власов.

— Успокойся, — строго говорю себе вслух, натягивая через голову хирургичку. — Обычный рабочий день.

Однако обычность дня пошатывается, едва я выхожу в коридор. Игорь Борисович, словно выросший из-под земли, преграждает мне путь к лаборатории.

Он что караулил меня под дверью?

— Ася Юрьевна, доброе утро. Вы сегодня просто сияете, — произносит он с улыбкой, от которой у меня неприятно сводит желудок.

“Сияю, как помойное ведро в полночь”, — думаю я, но вслух просто вежливо киваю:

— Доброе, Игорь Борисович.

— Мне показалось, что вчера вы были чем-то расстроены, — продолжает он, изучая мое лицо. — Как я понял, вы знакомы с Рустемом Алиевым. Все хорошо?

Да, просто он — отец моего ребенка, которого я не видела четыре года. И вчера появился как черт из табакерки. Подумаешь, мелочь!

— Все прекрасно, — парирую я, ощущая как потеют ладони. — Я уже и не помню у кого вчера брала кровь, пациенты у меня как конвейер, перед глазами только остаются пробирки с кровью и листы результатов.

— Понимаю, понимаю… — Он мнется, покручивая в руках стетоскоп. — Ася, я тут подумал… Может, увидимся в среду после смены? Кофе попьем, просто по-человечески поговорим, вне клиники. У вас ведь в среду день укороченный?

О, нет. Он снова за свое. И теперь уже не сослаться на занятость в выходные. Надо было резать, не дожидаясь перитонита. В смысле твердо сказать Борисовичу “нет”. Но меня смущает, что он мой начальник и у него есть некая власть в клинике и надо мной, а мне черт возьми, очень нужна эта работа.

— Игорь Борисович, вы очень любезны и я бы с удовольствием, но… — я делаю максимально сожалеюще лицо, — с ребенком так сложно строить долгосрочные планы. Руслан то температурит, то у него утренники, то рвота фонтаном

среди ночи… В общем, я не могу ничего вам обещать, да и не только вам. Вообще никому…

Хочется верить, что у меня получилось максимально корректно разрулить ситуацию. Но Власов мгновенно мрачнеет, а вежливая улыбка сползает с его лица.

— Ясно, — говорит он сухо. — Тогда перейдем к делам. В лаборатории подвезли новую партию материалов для анализов. Карты нужно разобрать и рассортировать. Все срочное поднимайте ко мне наверх. И, Ася, — он делает многозначительную паузу, глядя на меня поверх очков, — анализы Алиева Рустема. Они в приоритете. Важный пациент, операцию нельзя затягивать. Приносите мне результаты, как только будут готовы.

Мое сердце, только-только успокоившееся, снова устраивает чечетку где-то в районе горла.

Этот “важный пациент” везде!

— Конечно, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — А… Игорь Борисович, вы не знаете, что с ним случилось? Просто… чтобы понимать, на что обратить внимание в расшифровке.

Власов смотрит на меня с подозрением, но я невинно хлопаю ресницами, надеясь, что он сочтет этот вопрос за профессиональный интерес.

— Огнестрельное ранение годовалой давности, осложнения на почки, — сухо констатирует он факты, которые я и так знаю от Алии. — Детали — врачебная тайна и не наше

с вами дело. Главное для нас и нашей клиники — качество и скорость работы. Да, Ася Юрьевна?

— Совершенно верно, — киваю я, чувствуя, как по спине бежит холодок.

Весь день я провожу в монотонном, почти механическом труде: разбор карт, сортировка, маркировка. Руки работают сами, а голова занята Алиевым, чтоб его понос пробрал.

Ближе к концу смены, когда за окном уже сгущаются синие сумерки, а мне пора бежать в садик, звонит телефон.

— Ась, привет! Ты на работе? — спрашивает Алия.

— Еще пятнадцать минут и убегу, — устало отвечаю я, откидываясь на спинку стула и подавляя зевок.

— Слушай, Марат в эти выходные уезжает по делам. Утром в субботу, а вернется только в воскресенье к обеду. Я тут подумала… Может, вы с Русланом приедете к нам? Дети поиграют, мы поболтаем.

— Замечательная идея. Русланчик будет в восторге.

— Отлично! Тогда договорились! В субботу ждем вас. Ничего не бери, все у меня есть.

Мы еще немного болтаем о пустяках и прощаемся.

Спускаясь вечером по ступенькам главного входа, я устало улыбаюсь охраннику и толкнув плечом дверь, оказываюсь на свежем воздухе, жадно его вдыхая. Несмотря на усталость, я планирую немного погулять с Русланом после садика — обещала, что он покатается на ледяной горке у нашего дома. К тому же, чем сильнее он устанет, тем быстрее заснет.

Еще одну сцену типа утренней, я сегодня не вывезу.

Иду в сторону остановки и вдруг… Замираю.

На противоположной стороне улицы, в тени отъезжающего от тротуара грузовика, припаркован большой черный автомобиль Рустема Алиева.

Он не таясь смотрит на меня, опустив стекло и будто бы не заботясь о том, что холодный воздух проникает к нему в роскошный и наверняка теплый салон.

— Пошел к черту, — бормочу себе под нос и поворачиваюсь к нему спиной.

Глава 6

Остаток недели проходит без серьезных происшествий. Анализы у Алиева хорошие — хоть сейчас в космос. Только кератин повышен, с чем в нашем отделении успешно борются капельницами. Я знаю, что Рустем еще несколько раз приходил на прием к Власову, делал узи в отделении ультразвуковой терапии и, судя по графику хирургии, в который я совершенно случайно заглянула, его операция запланирована на следующую среду. Если все пойдет по плану, то через неделю или максимум две, Рустем Алиев снова исчезнет из клиники, а вместе с тем и из моей жизни. И я, наконец, смогу выдохнуть.

Со вторника, когда я заметила его припаркованную у обочины машину и демонстративно пошла в другую сторону, мы больше не пересекались. Возможно, он понял мой молчаливый намек и решил, что призрачный шанс на возобновление знакомства не стоит его усилий. Меня это полностью устраивает. Чем меньше у нас точек соприкосновения, тем лучше.

В пятницу вечером мы созваниваемся с Алией, подтверждая планы. Марат уезжает на рассвете, поэтому мы с Русланчиком поедем в дом к Усмановым сразу после завтрака. Подруга сказала, что мальчиков будет развлекать няня, а мы с ней сможем поболтать и немного отдохнуть. Господи, только за это обещание “отдохнуть” я уже готова расцеловать

Алию.

Несмотря на разный бэкграунд, веру и финансовые возможности, мы с ней смогли пронести дружбу через годы. Когда-то давно, еще на заре ее семейной жизни с Усмановым, я помогла ей сбежать от него. Нашел он беглянку тоже с моей подачи, но только после того как я убедилась в том, что он от Алии без ума и ни за что ее не обидит. Думала, что после того случая Марат запретит нам общаться, но он оказался куда более покладистым, чем другие кавказские мужья. Я знаю, что он от меня не в восторге, но ради Алии терпит. Впрочем, мы с ним почти не видимся — это часть нашей с подругой стратегии по сокрытию подробностей биографии моего сына. Рустем — человек Марата. Если бы Усманов узнал, что я родила ребенка от Алиева, а не от какого-то безымянного русского, моей спокойной жизни пришел бы конец.

Алия с Дамирчиком на руках встречает нас на пороге их роскошного дома в одном из элитных поселков недалеко от Барвихи. Усмановы переехали сюда почти сразу после рождения Дамира — по словам подруги, это был подарок Марата за сына. Мне за сына досталось только пособие матери-одиночки, но вины Алии в этом, конечно, нет. Подруга, с молчаливого согласия мужа, и так помогла мне всем, чем только могла — и кредитом на первоначальный взнос по ипотеке, и полным комплектом одежды и принадлежностей для новорожденного. Да и сейчас, на правах названной крестной мамы, она оплачивает занятия Руслана с логопедом и уроки

плавания.

— Наконец-то! — Алия крепко обнимает меня. — Дамирчик все утро спрашивает, когда вы приедете.

— Мы торопились как могли, — смеюсь я. — Как ты понимаешь, я в той же ситуации. С вечера только о поездке к вам в гости и говорили.

Как только я снимаю с Руслана теплый комбинезон и сапожки, они с Дамирчиком уносятся в детскую. Сын обожает бывать в гостях у Усмановых. Пока он не задает вопросов, почему у его друга есть столько всего, чего нет у него, но я уже предчувствую все то, что предстоит объяснять мне в будущем о неравных возможностях наших семей.

— Ну, ты как? — спрашивает Алия, когда мы усаживаемся за барные стулья на модной кухне. Несмотря на то, что еще нет и обеда, подруга разливает по бокалам красное вино.

— Хреново, — отвечаю с мрачным смешком.

— Это даже лучше, чем я ожидала! — она поднимает бокал. — Выпьем же за это.

Наши бокалы соприкасаются, издавая мелодичный перезвон. И мы с наслаждением делаем по глотку насыщенного напитка.

Вот поэтому я обожаю Алию — в ней нет ни грамма чопорности и прочего дерьма, которое проявляется в женщинах с тем уровнем жизни, что есть у нее. А еще она очень тонко чувствует меня — врать ей, что меня не затронуло появление в городе Рустема, просто нет смысла.

— У *него* операция на следующей неделе, — говорю я. — Надеюсь, потом он быстренько укатит восвояси.

— Я пыталась осторожно узнать что-то у Марата, но он неохотно делится такими вещами. Если бы я настаивала, это бы вызвало подозрения, — с сожалением произносит подруга.

— Да мне и не надо ничего знать, — отрезаю я, делая еще глоток из бокала. — Его жизнь меня не касается.

Алия сочувственно кивает, подвигая ко мне дощечку с закусками.

— Как дела в клинике? — меняет тему.

Я с готовностью рассказываю ей о сложностях работы младшего медицинского персонала, сетую на внезапные подкаты Власова, делюсь новостью об обещанной руководством премии. Алия в ответ рассказывает мне про очередной конфликт с ее безумными родителями и по секрету — что они с Маратом планируют второго ребенка.

Я понимаю желание Алии и поддерживаю его — когда-то я тоже мечтала о большой семье и я очень хотела бы, чтобы у Русланчика был братик или сестричка. Но мои мечты давно разбились о берега моей реальности.

Примерно через час, покормив детей и оставив их на попечение няни, мы с подругой перемещаемся из кухни на цокольный этаж дома, где расположен крытый бассейн и сауна.

Потягиваясь после заплыва на лежаке, я ощущаю как по телу разливается приятная усталость, а мысли приходят в со-

стояние спокойствия. Вот это я понимаю отдых! Не зря после дня у Усмановых я обычно чувствую себя так, словно побывала на курорте.

Внезапно где-то сверху хлопает дверь.

— Странно, — Алия поднимается с соседнего лежака. — Мы никого не ждем. А няне не разрешено выпускать детей на улицу.

Едва обретенное спокойствие улетучивается со скоростью света. Синхронно накинув халаты, мы с подругой взбегаем по лестнице наверх в просторную прихожую. И тут мой мир разлетается окончательно, потому что одновременно происходят две вещи, которые я не могла представить себе даже в страшном сне: мои глаза сталкиваются с карими глазами Рустема Алиева, а со стороны детской раздается топот двух пар ножек.

— Папа вернулся! — кричит Дамирчик, запрыгивая на руки к Марату Усманову, который даже не успел снять пальто.

— Мама, мы с Дамиром построили башню! — сквозь тревожный шум в ушах я слышу звонкий голос собственного сына.

Взгляд Рустема отрывается от меня и скатывается на темноволосую фигурку Руслана, который внезапно оказывается рядом со мной.

Кровь стынет и отливает от моего лица. Сердце остервенело долбится в клетку ребер. Я поднимаю сына на руки, от-

чаянно пытаясь сообразить, как выпутаться из этой ситуации, но на ум не приходит ничего кроме как удариться не то в истеричный смех, не то в слезы.

Сейчас все и Марат с недоверием, и Алия с первобытным ужасом, и Рустем с выражением полнейшего шока на лице смотрят на меня. А я лишь отчаянно прижимаю к груди Русланчика, понимая, что наша с ним жизнь больше никогда не будет прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.